

- ²⁸ Балахванцев А. С. Парфянский поход Антиоха III // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 12.
- ²⁹ См.: *Gaslain J. Le bachlik d' Arsace Ier ou la representation du nomade-roi* // Bulletin of Parthian and Mixed Oriental Studies. 2005. Vol. I. P. 9–30.
- ³⁰ См.: *Houghton A., Lorber C., Hoover O. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Vol. I. N. Y. ; L., 2008. P. 694.*
- ³¹ См.: Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–

- II вв. до н. э. : происхождение, хронология и локализация // Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов : археология, история, этнология, культура : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого / под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2005. С. 65–66.
- ³² *Just. XLI. 5. 9.*
- ³³ См.: *Sachs A. J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1996. Vol. III. P. 134–135.*

УДК [94+327](410+560)|15/16|

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ АНГЛИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (начальный этап сотрудничества)

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет
E-mail: Sabitovalliya90@mail.ru

В статье рассматривается деятельность первых английских дипломатов в Стамбуле. Миссия внешнеполитических эмиссаров Лондона на территории Османской империи, в период её расцвета, представлена и освещена автором в тесной связи с региональными интересами английской Левантской компании.

Ключевые слова: Англия, Османская империя, английская дипломатия, Ближний Восток, Левантская компания.

English Diplomacy and Diplomats in the Ottoman Empire (Beginning of Cooperation)

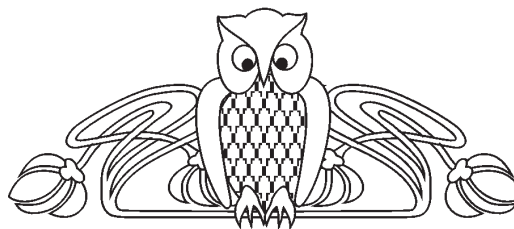
L. R. Sabitova

The article deals with the activity of the first English ambassadors in Istanbul. The mission of London's diplomatic representatives in the Ottoman Empire, at the peak of its prosperity, is described by the author in close connection with the regional interests of the English Levant Company.

Key words: England, Ottoman Empire, English diplomacy, Middle East, Levant Company.

Гибель христианской Византии (1453) и рождение мусульманской Османской империи привели к быстрому и радикальному изменению внешней политики европейских государств. Могущественная Порта, подчинившая себе огромные территории Балкан и Восточного Средиземноморья (Левант), в качестве влиятельной силы региональной и глобальной политики выступила как основной торговый и военно-политический конкурент Испании, Португалии, а позже – Франции, Голландии и Англии. Принимая этот геополитический вызов, каждая из европейских стран разрабатывала и осуществляла на практике собственную стратегию «восточной политики».

Королевство Англия, открывшее и оценившее богатство Ближнего Востока в эпоху Крестовых походов, одно из первых установило

выгодные торговые и дипломатические отношения с Османской империей. На этом сложном пути правящей элите островной державы и ее региональным эмиссарам пришлось навёрстывать отставание от конкурентов-европейцев, среди которых наибольшую угрозу представляла Франция (XVI–XVIII вв.), а потом – Россия (XVIII – начало XIX в.). Как известно, главным итогом этой конкуренции к середине XIX столетия стало доминирование Англии. По этой причине небезынтересно проследить трансформацию деятельности английских посланников в Стамбуле – главных проводников влияния Лондона на Ближнем Востоке. Особое внимание привлекает их деятельность на ранней стадии проникновения в этот регион, то есть в XVI–XVII столетиях.

Исторически главным стимулом, побудившим Англию активизировать внешнеполитический курс в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, было желание напрямую торговать с Левантом (Сирия, Ливан), через территорию которого шли торговые коммуникации, издавна связывавшие Европу и Азию. В Средние века и в эпоху Раннего Нового времени роль посредника в этой системе экономических отношений играли итальянские торговые республики (Венеция, Генуя). Однако уже в начале XVI столетия отдельные английские купцы направляли в Средиземное море свои корабли, владельцам и капитанам которых даже удавалось получить временные привилегии от турецких властей¹. Подобные эпизодические контакты с османами при возможности получать восточные товары через посредников-христиан по-прежнему не требовали от Лондона скорейшего установления официальных отношений со Стамбулом. Однако опережающая легитимация франко-турецких дипломатических отношений и подписание договора о Капитуляциях (1535), в котором правительство Сулеймана Великолепного предоставило французам ряд торговых привилегий, сильно обеспокоили англичан. Состоявшиеся

перемены означали для них, что отныне национальные торговые кампании должны были вести свои операции только через французских агентов. В этой ситуации для королевы Елизаветы Тюдор (1558–1603) было крайне важно восстановить независимость английской торговли, избавиться её от унижительной французской опеки, получить собственные Капитуляции со стороны Порты. Для достижения этой цели в 1577 г. в турецкую столицу был отправлен английский эмиссар Уильям Харборн. Успешно преодолев интриги прочно обосновавшихся при султанском дворе французов и венецианцев, он сумел добиться от султана Мурада III предоставления своей стране привилегий, аналогичных тем, которые ранее получила Франция.

В планы англичан входило также намерение создать постоянное представительство в Стамбуле для защиты английских интересов. Однако перспектива возложить тяготы его содержания на государственную казну бережливых политиков из Лондона отнюдь не прельщала. По мнению королевы и её советника, опытного дипломата Ф. Уолсингема, взять на себя необходимые расходы могли английские купцы, организованные в частную корпорацию. Такой структурой стала Левантийская (Турецкая) компания. Королевский патент ограничивал её численный состав двенадцатью участниками. Другим английским купцам торговать во владениях султана было строго запрещено. Компания наделялась широкими полномочиями, включая возможность принимать свои внутренние законы, не противоречащие государственным актам. Её товары должны были перевозиться исключительно под английским флагом. Таким образом, Левантийская компания являла собой настоящее «государство в государстве»². В 1581 г. королева Елизавета выдала Левантийской компании патент на право торговли во владениях «Великого Сеньора»³. В 1583 г. Харборн получил статус первого дипломатического представителя Англии при Дворе турецкого султана. Тем самым, Лондон закрепил успех торгово-экономических переговоров с Высокой Портой установлением с ней дипломатических отношений на постоянной основе.

Последующие годы были временем укрепления английского присутствия в Стамбуле. Дипломатические эмиссары Лондона были нацелены в своей деятельности на решение двух стратегических задач. Во-первых, по заданию королевы и Тайного совета они пытались втянуть Порту в войну с враждебной Испанией. Во-вторых – стремились как можно сильнее ослабить французское влияние во владениях султана. Англичан явно не устраивала ситуация, заставлявшая других поданных христианских государств осуществлять здесь свою торговую деятельность под французским флагом и находиться под защитой французских консулов⁴. Однако разгром «Великой Армады» (1588) быстро снизил для англичан уровень

испанской угрозы. К тому же усилия в этом направлении их дипломатов – Уильяма Харборна (1583–1588), а также его преемника Эдварда Бартона (1588–1597)⁵ – не увенчались успехом. Более плодотворной для Лондона оказалась реализация второй, сугубо экономической цели. Под давлением его эмиссаров Стамбул, ссылаясь на принцип открытости, подтвердил право английских купцов на торговлю под собственным флагом в границах Османской империи⁶. В ходе переговоров представители Левантийской компании преодолели ожесточённое сопротивление французов, которые подчеркивали, что их отношения с османами изначально должны были использоваться на благо всего христианского мира. Невзирая на эти объяснения, англичане активно пытались перетянуть под своё покровительство торговых представителей других стран. При этом на противников нового, антифранцузского торгового альянса оказывалось прямое давление. Его примером стало так называемое «голландское дело», в рамках которого вплоть до 1612 года шло ожесточённое соперничество Англии и Франции за право влияния на ближневосточную торговлю этой небольшой европейской страны. В конечном итоге, Амстердам сумел получить от правительства султана собственные капитуляции⁷.

Особую роль в укреплении позиций Лондона на турецком Ближнем Востоке сыграли, помимо торговых и дипломатических эмиссаров, английские пираты. Располагая в Средиземном море быстроходными, хорошо вооружёнными кораблями с опытными командами, они регулярно нападали на французские, венецианские и даже турецкие суда. Жалобы на их действия регулярно поступали Елизавете, однако английская королева объявила «королевских пиратов» вне закона. Впрочем, такие решения свидетельствовали лишь о том, что заинтересованные правящие круги островного государства не препятствовали борьбе флибустьеров за английское господство на средиземноморских торговых коммуникациях⁸. В эпицентре тревожных событий находилась и Левантийская компания. В отличие от Лондона, её руководители заняли в отношении пиратов более акцентированную позицию. В частности, английский посол в Стамбуле был уполномочен пресечь акции пиратов, которые были направлены против союзной, турецкой стороны. В 1606 г. позиции англичан в Турции были поставлены под угрозу потоплением судна «Королевский купец», направлявшегося из североафриканских провинций султана с грузом даров в столицу. Ответственность за неприятный инцидент Компания возложила на своего посла в Стамбуле, которому было отказано в выплате жалованья. Компания потребовала также у Лондона его немедленной замены⁹.

Несмотря на всю серьёзность инцидента, разрыв отношений между Англией и Османской империей не состоялся. По мнению турецкого правительства, англосаксы по-прежнему оста-

вались реальным противовесом и союзником по отношению главного противника Стамбула на море – Испании. Важным и примиряющим обстоятельством для турок выступала также конфессиональная ориентация Англии – протестантизм, который противопоставлял её католическому, не менее враждебному для них, Риму. К тому же Англия наладила в турецких владениях сбыт качественных европейских товаров, а также являлась экспортёром образцов континентальной технической мысли, прежде всего огнестрельного оружия и военных технологий.

Огромную роль в сглаживании постоянно возникающих между странами конфликтных ситуаций, безусловно, играли личные качества английских эмиссаров. Как правило, это были люди незаурядных интеллектуальных способностей и большого дипломатического таланта. Доверие к ним в Стамбуле доходило до такой степени, что они наделялись правом представлять Османскую империю на мирных переговорах с другими христианскими государствами¹⁰. Как правило, английские дипломаты на турецкой службе успевали зарекомендовать себя людьми политически индифферентными и преданными интересам Порты. Впрочем, их миссия в Стамбуле, как и в других городах Османской империи, была направлена в основном лишь на поддержание дружественных отношений с Портой, а также на обеспечение новых привилегий для Левантйской компании. Жёсткая колониальная стратегия Англии, диктовавшая иные правила дипломатической игры, в этот период начала активно реализовываться в других географических широтах – в Новом Свете и в Индии.

Добившись максимально выгодных преференций со стороны османских властей, лондонские купцы наращивали свою активность в регионе. Англичанин, посетивший в 1672 г. турецкую Смирну (Измир), в своих записках подробно охарактеризовал деятельность «необычной королевской компании», которая отвечала за торговлю с Левантом. В частности, он отметил её корпоративный, закрытый характер. По словам очевидца, в компанию «никого не принимают извне, только сыновей или учеников купцов-основателей». Путешественник обратил особое внимание на демократичность английского торгового сообщества, в котором «не было единоначалия, а решения принимались большинством голосов». Им же были отмечены некоторые другие, несвойственные для обычных коммивояжеров функции компании. По его словам, участники Левантйской компании «представляют посла, которого монарх отправит в Порту, направляет консулов в Смирну и Алеппо, выбирает отправляемые в Левант товары. Компания выплачивает жалованье послу и консулам и выделяет средства на содержание английского посольства»¹¹. Следует отметить, что приведённые характеристики полностью соответствовали действительности. На ранней стадии дипломатических отношений Англии и Османской империи

(конец XVI – начало XVII в.) их политическая составляющая нередко обуславливалась и подкреплялась необходимостью развития межгосударственных торгово-экономических связей. Именно временем появления на территории Османской империи структур Левантйской компании следует датировать рождение особой, внеевропейской посольской, системы Англии, в рамках которой престиж столичного дипломата обеспечивался не столько призрачным авторитетом далёкого, к тому же христианского монарха, но, в первую очередь, влиянием и деньгами региональной торговой компании. Подобная связь, впрочем, изначально запланированная с внешнеполитической службой английской короны, выражалась, в частности, в процедуре назначения посла в Стамбул, в его инструкциях, выплате жалованья, наконец, в обязанности и полномочиях, которыми английский дипломат наделялся перед отъездом на далёкий мусульманский Восток.

Практическое функционирование английского дипломатического аппарата на территории Османской империи в рамках XVII столетия складывалось в следующих направлениях.

На рубеже XVI–XVII вв., в последние годы правления королевы Елизаветы Тюдор, персоны английских послов в Стамбуле, как это и было запланировано, выбирались из числа нескольких претендентов, которых предлагала Левантйская компания. Как правило, эти люди успевали до этого побывать в турецкой столице в качестве купцов или секретарей посольства. Поначалу английские монархи (Елизавета, Яков Стюарт), которые осуществляли окончательный выбор претендента на столь ответственный дипломатический пост, внимательно прислушивались к мнению и рекомендациям Компании. Однако по мере того как англичане укрепляли свое политическое влияние в Османской империи, и авторитет королевства перестал напрямую зависеть от личных качеств посла, представители новой правящей династии Стюартов (Карл I, Карл II) получили возможность, не особенно церемонясь, «проталкивать» на этот выгодный и хорошо оплачиваемый пост исключительно собственные креатуры. В 1641 г. Парламент предоставил Компании право утверждать кандидатуры послов для работы в Турции, но это право не было переутверждено и ратифицировано парламентариями после Реставрации (1661). Четких правил по отбору и утверждению данной категории английских дипломатов не существовало вплоть до начала XVIII столетия, когда в Лондоне утвердилась новая правящая династия (Ганноверов).

После своего назначения в Стамбул английский посол получал два набора инструкций: от короля и Компании. Первый «пакет наставлений» носил формальный, чисто процедурный характер, и содержал общие указания, а именно поддерживать добрые отношения с представителями других дипломатических миссий, защищать интересы христианства, а также регулярно отсылать в Лон-

дон отчеты о своей деятельности, дабы вовремя получать дополнительные рекомендации. В официальных наставлениях Компании звучали более конкретные требования, в частности, они ориентировали посла всемерно защищать интересы английской торговли и сохранять все полученные ранее привилегии¹².

Отдельных комментариев заслуживают полномочия английского посла, которыми он наделялся в пределах Османской империи. Они были достаточно обширными и сложными для точного выполнения. В частности, под его юрисдикцию попадали все англичане, оказавшиеся на территории Турции и в её многочисленных провинциях, включая Левант.

Английский посол, резиденция и аппарат которого располагались в Стамбуле, находился на полном содержании Левантийской компании. Он получал жалование от Компании, которое по мере укрепления английских экономических позиций в регионе систематически увеличивалось. В 1660 г. оно составляло 10 тысяч золотых испанских пиастров ежеквартально. Ещё 2 тысячи пиастров и 300 фунтов в год английский посол получал от Компании дополнительно, в качестве командировочных и бонуса для перемещения по Турции и для поездки в Англию. Дополнительным источником доходов для дипломата являлась фиксированная доля от суммы платежей, изымаемых в пользу Левантийской компании: 30% штрафных сумм за нарушения торгового законодательства Компании; 20% от стоимости налогов на товары, доставленные в Турцию внешними торговыми агентами Компании; суммы консульских сборов, налагаемых на коммерческую деятельность региональных английских факторий. Также английский посол мог рассчитывать на по-восточному щедрую сумму от турецкого султана. Помимо всего прочего, несмотря на то что Компания предписывала послу не заниматься коммерческой деятельностью лично, для дипломатов не существовало прямого запрета покупать и с выгодой для себя сбывать драгоценности и вина, осуществлять валютные спекуляции или оказывать надлежащую протекцию представителям знатных армянских, греческих и еврейских семейств, готовых за нее платить. Все перечисленное отнюдь не является полным списком доходов, на которые мог надеяться обладатель поста английского представителя в Османской империи. По этой причине многие представители английской аристократии мечтали, как можно скорее, заполучить эту синекуру, чтобы поправить своё материальное положение.

В штат английского посольства в Стамбуле, помимо персоны самого посла, были включены должности секретаря и казначея, которые также назначались Компанией, а потому были неподконтрольными правительству. Внутри этой бюрократической иерархии действовали собственные правила замещения должностей. Так, на ранней стадии функционирования английского посоль-

ства в Стамбуле (рубеж XVI–XVII вв.) смена посла неизменно приводила на этот пост секретаря посольства. В посольстве также существовала должность капеллана, который одновременно был смотрителем библиотеки.

В работе английского посольства в Стамбуле принимали участие местные наёмные кадры. Среди них наиболее важной признавалась роль драгоманов (переводчиков). Они являлись не только связующим звеном между послом и турецкими министрами, но должны были также играть роль агентов, разведчиков в пользу англичан. Однако, учитывая, что их контингент был мал (три человека) и вынужденно набирался из числа подданных султана, их деятельность была неэффективной. К тому же эти люди могли уже быть шпионами, как султана, так и послов других стран. Как правило, драгоманов были выходцами из квартала Перы, где жили венецианцы, и будучи католиками более симпатизировали французам. Последние, в отличие от англичан, добились в области подготовки «специальных кадров» на турецкой территории больших успехов. Так, в 1670 г. французы отправили партию мальчиков на учебу в монастыри капуцинов Смирны и Стамбула с тем, чтобы они хорошо изучили турецкий язык. В будущем их собирались направить на работу переводчиками. Англичане поступили наоборот: они отправили на обучение в Оксфорд греков, чтобы наладить подготовку драгоманов на своей родине. Впрочем, этот эксперимент не удался, и переводчиками английского посольства в Турции вплоть до начала XIX столетия оставались подданные султана¹³.

Для охраны английского посольства в Стамбуле дипломаты были вынуждены нанимать местных янычаров. Помимо драгоманов и воинов-янычар, на территории посольства ежедневно появлялся мусульманский священник («эффенди»), который помогал составлять официальные письма на турецком языке. Посольство содержало большой штат технического персонала (рабочих, слуг), поскольку его территория и здание были постоянно открыты для посещения высокопоставленных визитёров, путешественников. Резиденция посла должна была также убедительно демонстрировать богатство и силу Англии в глазах турок и других дипломатических представительств, расположенных в Стамбуле¹⁴.

Аристократический уклад и светский образ жизни, разумеется, не мешали высокопоставленным английским дипломатам выполнять задания влиятельной Левантийской компании. В частности, в круг их постоянных задач входили переговоры коммерческого характера. Однако в рамках XVII столетия ближневосточное направление британской внешней политики, как уже отмечалось выше, не являлось основным. Оставаясь вспомогательным, этот вектор политики склонял английских дипломатов к подписанию с турецкой стороной дружественных, ни к чему не обязывающих договоров, которые поддерживали

престиж английской короны. В столь благой и расслабляющей ситуации такие обязательные качества дипломатов, как энергия, проницательность, личная инициатива, были забыты. К примеру, английского посла, лорда Уинчилси, в 1660 г. описывали как добродушного господина, носившего бороду на турецкий манер и любившего поговорить. Именно этим, совершенно не дипломатическим талантом, он расположил к себе тогдашнего Великого визиря. Впрочем, в большинстве своём английские послы в Стамбуле оставались людьми умными и даже амбициозными. Многие – провидчески – желали держать руку «на пульсе» ближневосточных дел. Однако такая активность сразу наталкивалась на бездействие Лондона и на строгий контроль со стороны Левантской компании, которая желала возврата под свой контроль торговых факторий, научившихся за годы гражданской войны обманывать свое руководство, и подтверждения капитуляционных прав.

Ситуация начала меняться после Славной революции (1688), когда Англия, постепенно оправившись от внутренних потрясений, стала подумывать о более решительной континентальной политике, направленной против Голландии и Франции. Этот поворот предполагал активизацию деятельности английского представителя в Османской империи. В частности, посол получил указания способствовать заключению мира между Портой и Священной Римской империей, чтобы перенаправить австрийские силы против наиболее сильного противника англичан – Франции. Однако убедить султана прислушаться к мнению Англии, как и прежде в отношении Испании, оказалось весьма затруднительно.

Столетие присутствия английского посла в Стамбуле превратило эту персону в уважаемого, но достаточно безликого эмиссара дружественной державы, а также в искушённого торгового агента, который не любит вмешиваться в большую политику. Между тем могущество Османской империи, добытое кровопролитными войнами на Западе (Священная Римская империя, Испания, Польша, Венеция) и на Востоке (Иран), стало ослабевать. В 1683 г. турки потерпели поражение от австрийцев и поляков под Веной, которое предредило падение их влияния в делах европейской политики. С этого момента «восточная угроза» Европе со стороны Турции начала неизбежно трансформироваться в «восточный вопрос», то есть в банальный сюжет о принципах и участниках дележа османского территориального наследства на Балканах и на Ближнем Востоке. Ну, а султанский дворец всё более напоминал шумный «восточный базар», главными участниками которого становились европейские дипломаты, втянувшиеся в ожесточенную борьбу интересов, из которой временно победителем выходили французы. Именно представителя Версаля в дипломатических кулуарах Стамбула вежливо называли «вице-султаном». Об этом засилье французов в 1690 г. писал и ан-

глийский посол сэра Джон Трамбулл, сообщая в Лондон, что «Турция уже давно идёт на поводу у французских интересов»¹⁵.

На рубеже XVII–XVIII вв. внешнеполитический курс Англии в отношении Османской империи начинает стремительно подстраиваться к «духу времени». Этому повороту способствуют внутренние события в самой Англии. Завоевания революционной эпохи, после окончательного ухода с политической арены Стюартов (1714), воплотились в колоссальные достижения в сфере политики, экономики и культуры. Страна, пережившая потрясения революции и гражданской войны, в очередное столетие вступила не просто окрепшей, но и претендующей на новые, ведущие роли в мировой и европейской политике. Разумеется, за пределами самой Англии, например в Стамбуле, необходимость изменения внешнеполитических приоритетов была осознана не сразу. Проблема заключалась еще и в том, что, в отличие от своих зарубежных коллег, английские дипломаты не имели достаточных финансовых ресурсов для выполнения новых стратегических задач. Реализация политических интересов постоянно нуждалась в деньгах, поскольку на практике речь шла о поездках по стране, о подкупе чиновников, вербовке агентов среди местного населения, о налаживании «неформальных» связей с послами других государств. Деньги на эти малоопытные цели Левантская компания давать отказывалась. Она соглашалась иметь и оплачивать политических агентов в Марселе, Белграде и Вене, однако турецкие морские коммуникации, которые часто попадали под контроль пиратов, и сухопутные – под контролем агентов австрийского императора – прижимистых негоциантов пока интересовали лишь в рамках старых соглашений. Оплачивать и подписывать новые они также не собирались. Вдобавок ко всему к концу XVII в. почти на треть сократилось жалованье английского посла, что также сковывало его инициативу и возможности действовать. При этом король (Вильгельм II Оранский), занятый войнами со сторонниками Стюартов, даже не задумывался о том, чтобы увеличить финансирование посольства в Стамбуле¹⁶.

В политическом плане Османская империя по-прежнему оставалась для Англии «дипломатическим захолустьем». Даже финансовые выгоды дипломатического турне на Восток, о которых упоминалось выше, не всегда приносили пользу. Случалось так, что некоторые послы не выносили тягот путешествия в Стамбул и умирали, не добравшись до турецкой столицы. Многих убивал климат. Некоторые дипломаты так и не сумели понять, а главное – принять специфику местного образа жизни, и постарались быстрее вернуться домой. Редкий английский дипломат, оказавшись в Стамбуле, находился на посту посла больше пяти лет. Мало кто из них успел выполнить какую-то важную задачу, оставаясь при султанском дворе пассивным наблюдателем событий. Тем не менее, говоря о событиях

рубежа XVII–XVIII вв., следует отметить успешные действия в Стамбуле лорда Паджета (1694–1702) и сэра Роберта Саттона (1702–1716)¹⁷.

Лорд Паджет был участником Карловицкого конгресса (1699). В этот период английский дипломат немало сделал для того, чтобы Порты и члены антитурецкой Священной лиги пришли, наконец, к мирному соглашению. Его заслуги на поприще миротворчества были вынужден признать даже французский посол, барон де Ферриоль¹⁸. Должное авторитету англичанина отдали также турки, которые щедро наградили его перед отправкой на родину. Принимая следующего английского посла, турецкий султан Ахмед III заметил: «англичане – наши старые добрые друзья... Мы не забудем их помощь при Карловице»¹⁹.

Деятельность преемника Паджета, сэра Роберта Саттона, подробно освещена в его собственных «Депешах»²⁰. Его миссия совпала с обострением франко-русского соперничества в Стамбуле и пребыванием в Османской империи шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой (1709) был вынужден просить убежища у султана. Саттон предлагал своему правительству поддержать Россию и противодействовать дипломатии Франции и Швеции, провоцировавшей русско-турецкий конфликт. Однако министры королевы Анны Стюарт (1702–1714) были не готовы к решительным действиям в этом направлении. К тому же их больше интересовали перипетии уже начавшейся войны за испанское наследство, в которой – против французов и баварцев – принимали участие и английские войска под командованием выдающегося полководца, герцога Мальборо (1650–1722). Тем не менее английский посол выступил посредником в начавшихся русско-турецких переговорах. Известный русский дипломат П. П. Шафиров описывал Саттона как умного и последовательного политика, внесшего существенный вклад в заключение мира. В итоге английский дипломат получил солидное денежное вознаграждение от царя Петра I²¹.

Деятельность Паджета и Саттона открывает собой новый этап дипломатической активности англичан в Османской империи. С этого момента она носит ярко выраженный политический характер, поскольку не связывается, как в прошлые годы, с традиционной для англичан стратегией улучшения торгово-экономических отношений с Портой. С начала XVIII столетия персона английского посла в Стамбуле, расставшегося с патриархальной опекой Левантской компании и получившего мощную поддержку колониального Лондона, приобретает тот дипломатический вес, с которым уже невозможно не считаться.

Примечания

¹ Willan T. S. Some Aspects of English Trade with the Levant in the Sixteenth Century // *The English Historical Review*. 1955. Vol. 70, № 276. P. 399–404.

² Wood A. C. *A History of the Levantine Company*. Oxford University Press, 1935. P. 11–12.

³ См.: Патент или привилегии, пожалованные Ее Величеством сэру Эдварду Осборну, Ричарду Стейперу и некоторым другим купцам Лондона для торговли во владениях Великого султана в 1581 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).

⁴ Horniker A. L. Anglo-French Rivalry in the Levant from 1583 to 1612 // *The Journal of Modern History*. 1946. Vol. 18, № 4. P. 289.

⁵ Edward Barton to Murad III, November 30, 1588 / Barton E., Pears E. *The Spanish Armada and the Ottoman Porte* // *The English Historical Review*. 1893. Vol. 8, № 31. P. 460.

⁶ Horniker A. L. William Harborne and the Beginning of Anglo-Turkish Diplomatic and Commercial Relations // *The Journal of Modern History*. 1942. Vol. 14, № 3. P. 309.

⁷ Dumont J. *Corps universel diplomatique du droit des gens*. Amsterdam, 1728. Vol. 3, part 2. P. 205–214.

⁸ Донесение венецианского посла Дж. Капелло от 6 октября 1597 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).

⁹ Horniker A. L. Anglo-French Rivalry in the Levant from 1583 to 1612 // *The Journal of Modern History*. 1946. Vol. 18, № 4. P. 301.

¹⁰ В 1597 г. сэр Эдвард Бартон сопровождал султана в Венгерской военной кампании, а в 1623 г. сэр Томас Роу представлял Турцию на переговорах с Польшей.

¹¹ Chardin J. *Travels into Persia*. London, 1686. P. 4–6.

¹² Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 533–534.

¹³ Berridge G. R. English dragomans and oriental secretaries: the early nineteenth century origins of the anglicization of the British embassy Drogmanat in Constantinople // *Diplomacy & Statecraft*, 2003. Vol. 14, № 4. P. 137–138.

¹⁴ Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 540.

¹⁵ Trumbull to Shrewsbury, 1 July 1690. State Papers, Foreign, Turkey, 20 [Электронный ресурс] URL: <http://gale.cengage.co.uk> (дата обращения: 12.03.2013).

¹⁶ Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 537.

¹⁷ Lane M. *The Diplomatic Service under William III* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1927. Vol. 10. P. 108.

¹⁸ Ferriol to Louis XIV, 4 April 1700 // *Correspondance du Marquis de Ferriol, Ambassadeur de Louis XIV à Constantinople*. Anvers, 1870. P. 108.

¹⁹ Ahmed III to R. Sutton, 1702. // *Hammer M. Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris, 1841. Vol. 2. P. 42.

²⁰ См. Sutton R. *The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714)* / ed. by A. N. Kurat. L., 1953.

²¹ Coroban C. British Reactions to Charles XII's Stay in the Ottoman Empire // *Revista Română de Studii Baltice și Nordice*. 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 50.